

УДК 327.8

Шиитские мессианско-эсхатологические представления в идеологии Исламской Республики Иран: военный аспект

Крылов Герман Леонидович,
Школа востоковедения, факультет мировой экономики и мировой политики
НИУ ВШЭ (Москва, РФ),
german_krylov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5838-6298

Аннотация

Боевые действия, начатые США и Израилем против Ирана в 28 февраля 2026 г., грозят перерасти в длительный военный конфликт, в котором религиозно-идеологическая составляющая будет играть не последнюю роль. Исламская Республика Иран представляет собой теократическое государство: ее верховный лидер (рахбар) по конституции является не только политическим, но и религиозным деятелем. Шиитская государственная доктрина, развивавшаяся на протяжении практически всей истории ислама, стала базой для специфической национально-государственной идеологии, созданной основателем современного иранского государства аятоллой Рухоллой Мусави Хомейни (1900–1989). Хомейни окончательно формулировал и отработывал на практике свою доктрину в условиях войны против Ирака (1980–1988), уделяя большое внимание разработке ее военно-идеологической составляющей. Важную роль в этом контексте играет комплекс мессианско-эсхатологических представлений, нашедший свое место не только в программных заявлениях военно-политических лидеров Исламской Республики, но и в ее конституции. Идеи Хомейни и связанные с ними шиитские догматы всегда были частью иранского информационно-идеологического контекста, хотя и отошли с первого плана с окончанием президентских полномочий Махмуда Ахмадинежада в 2013 г. Преемник Хомейни аятолла Али Хаменеи избегал муслирования этих идей на фоне укрепления в иранском обществе либеральных настроений и антипатии к официальному дискурсу. Однако в контексте нынешних критических изменений военно-политической обстановки в Иране, в т.ч. в связи с гибелью самого Али Хаменеи в результате ракетного удара по его резиденции, обстрелам гражданских объектов и вызванному всем этим подъему патриотизма, шиитский мессианско-эсхатологический инструментарий вновь обретает актуальность.

Ключевые слова: Иран, Ирак, США, Израиль, политика, религия. шиизм.

Ссылка для цитирования: Крылов Г.Л. Шиитские мессианско-эсхатологические представления в идеологии Исламской Республики Иран: военный аспект/ Г.Л. Крылов // Азия, Америка и Африка: история и современность. 2026. Т. 5. № 2. С. EDN: BEMQGL

Shia Messianic Eschatology in the Ideology of the Islamic Republic of Iran: Military Aspect

German L. Krylov,
School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs,
Higher School of Economics (Moscow, Russia).
E-mail: german_krylov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5838-6298

Abstract

The military operation started on February 28, 2026 by US and Israel against Iran is fraught with a full-scale war. Constitutionally, the Islamic Republic of Iran is a theocracy, headed by the Supreme Leader (the Rahbar), who is not strictly political, but religious person as well. The Shia state doctrine that had been evolved over the centuries since the beginning of Islam, was formulated in one of its specific variants as a nation-state ideology by the founder of the modern Iranian state Ayatollah Ruhollah Musavi Khomeini (1900-1989). Khomeini forged and field-tested his doctrine amidst the attritious war with Iraq (1980-1988), focusing on its military ideological aspects. The intrinsic part of this context is the traditional Shia messianic eschatology, reflected not only in policy statements of military and political leaders of the Islamic Republic, but also in the core of its Constitution. Up till the current situation, the ideas of Khomeini and relative Shia dogmas have represented a sustainable element in the Iranian politico-ideological context, although marginalized to a certain degree, particularly since the end of the presidency of Mahmud Ahmadinejad in 2013. Khomeini's successor, Ayatollah Ali Khamenei was reluctant to use such type of discourse, being aware of the popularity of anti-government feelings in the Iranian society and growing antipathy towards the ideological excesses in the official rhetoric. However, the current crucial military and political changes, including the death of Ayatollah Ali Khamenei himself in a missile attack on his residency, the destruction of civil infrastructure and the resulting surge of patriotism, makes the comeback of the traditional Shia messianic eschatology to the foreground of the regional policy highly probable.

Keywords: Iran, Iraq, USA, Israel, politics, religion, Shia

For citation: Krylov G.L. Shia Messianic Eschatology in the Ideology of the Islamic Republic of Iran: Military Aspect / G.L. Krylov // Asia, America and Africa: history and modernity. 2026. Vol. 5. No. 2. P. EDN: BEMQGL

После ликвидации во ходе американо-израильского нападения на Иран 28 февраля 2026 г. верховного лидера Исламской Республики аятоллы Али Хаменеи вероятность дипломатического урегулирования этого конфликта практически сошла на нет. Аятолла Хаменеи был не только политическим, но и религиозным лидером, которому если не подчинялись, то прислушивались большинство мусульман-шиитов не только в Иране, но и в других странах, где распространена эта разновидность ислама.

Статья 5 Конституции Исламской Республики Иран гласит: «Во время отсутствия Вали-е-Аср (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламской умме возлагается на справедливого и

набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха, который принимает эти обязанности согласно статье 107»⁴.

Статья 107 подтверждает теократическую направленность иранского государства. Она гласит: «После кончины великого лидера мировой исламской революции и основателя Исламской Республики Иран великого аятоллы имама Хомейни (да будет с ним милость Аллаха!), который был абсолютным большинством народа признан в качестве лидера страны и «марджа-е таглид» [араб. «марджи ат-таклид»], лидер страны назначается всенародно выбранными экспертами. Указанные эксперты проводят консультации относительно кандидатур всех факихов, отвечающих требованиям,

⁴ Конституция Ирана. 23.03.2023. (<https://worldconstitutions.ru/?p=83>).

указанным в Статьях 5 и 109. Если они признают одного из них самым сведущим в установлениях и вопросах мусульманского права либо в политических и социальных проблемах, а также сочтут его признанным всем народом или обладающим выдающимися качествами из тех, что перечислены в статье 109, то выбирают его лидером страны. В ином случае они выбирают одного из указанных факихов в качестве лидера. Избранный экспертами лидер страны является предводителем мусульман (веляят-е амир) и несет на себе всю связанную с этим ответственность..."⁵.

Имамат в контексте Конституции Ирана отправление функций имама. Имам буквально означает «предстоятель на молитве мусульман». В религиозно-политическом контексте понятие имама расширяется до лидера исламского сообщества, который не только руководит его религиозной жизнью, но и представляет политические интересы, как в плане его внутренней жизни, так и во взаимодействии с другими сообществами. Сообщество, которое возглавляет рахбар, таким образом, это и государство, и совокупность верующих мусульман, признающих его юрисдикцию, а имамат это функция верховного лидера как имама.

Полномочия рахбара, по мысли основателя Исламской Республики аятоллы Хомейни, позволяют ему в случае необходимости отменять не только законы государства, но и религиозные предписания: «Власть ислама это высшее правление с приоритетом над второстепенными постановлениями, такими как молитва, пост и хадж» (Abrahamian, 2008: 219). Эта мысль Хомейни созвучна бытовавшим в шиитской среде, на протяжении веков остававшейся в оппозиции истеблишменту Омейядского (VII–VIII вв.) и Аббасидского халифатов (VIII–XIII вв.), представлениям о необязательности

исполнения основных предписаний ислама в условиях узурпации власти противниками потомков пророка Мухаммада по линии Али. С момента появления сефевидского государства в XVI в., взявшего на вооружение шиизм в качестве государственной идеологии и вступившего в противостояние с геополитическим противником Османской империей, шиитские теоретики начали развивать концепции сосуществования с единомысленной государственной властью, продолжая эту работу и при последующих за сефевидами династиях Ирана (Ansari, 2019: 53–58). Сформированная Хомейни теория Исламской Республики, несомненно, является венцом современной шиитской государственной мысли, причудливо вобравшим в себя и представления из ранней эпохи, когда шииты не мыслили себя как часть государства до такой степени, что даже считали не всегда обязательным исполнение предписаний государственной религии ислама (Arjomand, 1984: 152–153; Arjomand, 2009: 22).

Вали-е-Аср (перс. «правитель эпохи») это двенадцатый шиитский имам аль-Махди, живший на земле в IX в., который, по верованиям шиитов–двунадесятников, сокрылся, чтобы вновь явиться в конце времен на короткий период, дабы установить всеобщую справедливость перед обещанным в Коране Судным Днем. Вали-е-Аср или Имам аль-Махди («Скрытый Имам»), во время своего краткого пребывания на земле, согласно шиитской доктрине, находился в скрытом месте, откуда руководил своими последователями, а затем был взят из этого мира, однако не потерял связи с ним, продолжая управлять его делами (Petrushevskiy, 1966: 256–260). Провозглашение рахбара заместителем аль-Махди подчеркивает важность личности верховного лидера Ирана, а после его внеправовой ликвидации в результате военной агрессии делает

⁵ Конституция Ирана. 23.03.2023. (<https://worldconstitutions.ru/?p=83>).

актуальным рассмотрением эсхатологических представлений шиитов–двунадесятников в контексте нынешней экзистенциальной угрозы Исламской Республике.

Эсхатологические образы в иранской государственной пропаганде. Эсхатологические представления составляют важную часть мировоззрения большого числа практикующих мусульман. В связи с многочисленными военными конфликтами, природными катаклизмами и ломкой традиционных морально-нравственных устоев, наблюдаемыми в настоящее время, среди последователей ислама растет интерес к предсказаниям о конце мира, большинство из которых возводятся к основателю этой религии и зафиксированы в хадисах.

Традиционные эсхатологические образы активно использовались в военно-политической пропаганде игиловских экстремистов. Так, издававшийся ими несколько лет журнал назывался «Дабик» по упомянутому в сборнике «Сахих» Муслима хадису номер 2897, от Абу Хурайры, свидетельствовавшего, что Мухаммад сказал: «Когда тот час наступит, румы высадутся в аль-Амаке или Дабике, и выйдет им навстречу армия из Медины из лучших людей того времени» (Sahih Muslim, 2005: 1324–1325). Речь идет о финальной битве между армией мусульман и армией врагов Аллаха во главе с Даджжалем, за которой последует явление Исы аль-Масиха.

Эсхатологические образы ислама довольно яркие, но путаные. Перед концом этого мира и сунниты, и шииты ждут мессию имама аль-Махди, который вместе с Исой должен победить Масиха-Даджжала (Sahih Muslim, 2005: 1324–1325). Особенность шиитских представлений в том, что аль-Махди уже жил на земле. Наиболее многочисленные

шииты двенадцатники утверждают, что это был их двенадцатый по счету имам, сокрывшийся в IX веке, но невидимо управляющий своими последователями, который явится перед концом мира, чтобы установить всеобщую справедливость, счастье и изобилие, которые, впрочем, не будут вечными, но закончатся вселенской катастрофой вера в это засвидетельствована, в частности, в хадисах номер 39657 и 39658 в сборнике аль-Муттаки аль-Хинди (XVI в.), суннитского автора, на которого нередко ссылаются шиитские теологи из-за приводимых им хадисов, отражающих историософию шиитского ислама (Al-Hindi, 2005: 1924).

Образ имама аль-Махди, невидимо сражавшегося вместе с иранскими вооруженными силами, активно использовался военной пропагандой Исламской Республики во время войны с Ираком (Chubin, 1988: 132). Тогда в Иране проходили активные компании вербовки молодежи в основном из бедных слоев, в полувоенное ополчение басидж. Ополченцы проходили серьезную идеологическую обработку им рассказывали о «мученичестве» имам Хусейна и его сторонников, погибших в неравном и изначально обреченном на поражение сражении с войсками омейядского халифа Язида в 680 г. В распоряжении пропагандистов был серьезный инструментарий в виде гимнов и сказаний ашуры (Mahallati, 2016: 132) ежегодно проводимых шиитами массовых церемоний в память об имаме Хусейне⁶. Будущим смертникам внушали, что они станут «мучениками», выдавали «паспорта в рай» и после нескольких дней базовой военной подготовки отправляли на фронт. Почти безоружные, эти юные смертники вливались в «человеческие волны», атаковавшие иракские позиции.

Боевой и политической подготовкой корпуса басиджей

⁶ Этот инструментарий использовался сторонниками аятоллы Хомейни еще во времена его выступлений против политики шаха Пехлеви, увенчавшихся его высылкой из страны. Так, во время церемоний ашуры в 1963 г. на иранских

базарах появилось множество портретов арестованного Хомейни, который воспринимался, наряду с легендарными имамами Хасаном и Хусейном, как борец с узурпаторами власти. См. (Zonis 1976: 45).

занимались идеологические руководители из Корпуса стражей исламской революции элитных подразделений ВС Ирана, отличавшихся особой лояльностью. Боевой компонент подготовки оставлял желать лучшего, зато идеологический был гораздо более эффективным, позволяя задействовать для решения боевых и связанных с ними задач огромную массу неквалифицированных молодых людей из общественных низов, не имеющих постоянной работы. Эти юноши использовались в наступлениях «человеческими волнами», активно задействовались при строительстве укреплений и на «трудовом фронте». Басиджи не требовали больших финансовых расходов прошедшие религиозно-идеологическую обработку юноши были готовы воевать во имя ислама за исламское правительство (Chubin, 1988: 75, 133).

Все это приводило к огромным потерям среди плохо экипированных и почти безоружных молодых людей, объединенных в добровольческие формирования басиджей. Вдохновляемые религиозно-идеологической пропагандой, басиджи буквально бежали на минные поля наибольшее число жертв было именно в их формированиях (Chubin, 1988: 133; Kaveh, 2011: 369, 371). К середине 1980-х гг. боковой эффект «человеческих волн» настиг экономику: по данным иранской статистики, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве среди основной категории сельскохозяйственных рабочих, молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, достигла 10% (Chubin, 1988: 133; Kaveh, 2011: 369).

После того, как иранские ВС во время войны с Ираком вытеснили иракские войска с территории Исламской Республики 13 июля 1982 г., командующий сухопутными силами Ирана генерал Ширази заявил, что дальше дорога ведет на Багдад, а оттуда в

Иерусалим, и таким образом, «если будет воля Аллаха, будет проведена подготовка к появлению Имама аль-Махди, Скрытого Имама» (Arjomand, 2009: 135). Другим вариантом этого лозунга стала формулировка, что путь на Иерусалим лежит через Кербелу (Mahallati, 2016: 160) с подтекстом о необходимости освобождения священной для шиитов Кербелы в Ираке, где находится гробница имама Хусейна, как этапа грядущего освобождения Иерусалима (Кудса), где, как известно, находится общемусульманская святыня Мечеть аль-Акса. Момент перехода военных действий за пределы Ирана и само продолжение войны нашло теоретическое обоснование в идее наказания агрессора не только Саддама Хусейна, но и всех его иностранных союзников. Лозунгом нового этапа войны тогда стал: «Война, война до уничтожения источника соблазна в мире (фитна)» (Mahallati, 2016: 160).

Образ 12-го имама аль-Махди вдохновлял лидера Исламской Республики Иран аятоллу Хомейни как символ сверхъестественной поддержки иранской армии в войне против Ирака (As-Samarrai, 2016: 21; Chubin, 1988: 38; Mahallati, 2016: 7). Его подход к публичному осмыслению войны, на котором строилась вся государственная пропаганда, основывался не на геополитике, но на метафизике, что крайне затрудняло дипломатическое решение конфликта (Chubin, 1988: 38). Приведем здесь фрагмент текста, характеризующий военную риторику аятоллы Хомейни:

«Вы сражаетесь, чтобы защитить ислам, а он [президент Ирака Саддам Хусейн] чтобы разрушить ислам.... Вопрос о мире или компромиссе вообще не стоит мы не должны ничего обсуждать с ними, потому что они прогнили и сеют разложение⁷.

⁷ Здесь употреблено арабское слово «фасад» буквально: «гниение, разложение». Этот термин коранический и имеет резко отрицательную

коннотацию. Сеятелями разложения являются враги ислама.

Вред, нанесенный этим преступником, останется непоправимым, пока он не отведет свои силы, не оставит Ирак и свое прогнившее правительство. Они должны дать иракскому народу право самому решать свою судьбу. Это не вопрос конфликта одного правительства с другим это вопрос нападения неверных баасистов на мусульманскую страну. Это смута против ислама посредством богохульства» (Chubin, 1988: 38).

Превзойдя себя и все свои старые непримиримые заявления, аятолла Хомейни все же согласился в 1988 г. прекратить боевые действия, уподобив все же заключение мира с Саддамом Хусейном «принятию чаши с ядом» (Mahallati, 2016: 161).

К образу аль-Махди неоднократно обращался во время публичных выступлений президент Ирана Махмуд Ахмадинежад (2005 2013) (Yaluh, 2011: 9), имевший в глобальных СМИ репутацию религиозного фанатика. Ахмадинежад даже предсказывал свою победу на президентских выборах в 2005 г. как «милость Скрытого Имама» (Arjomand, 2009: 156). Упование Ахмадинежада на аль-Махди доходило до степени своеобразного вызова авторитету рахбара. Так, во время церемонии президентской присяги в 2005 г. Ахмадинежад заметил, что Хаменеи «думает, что этот он назначает меня президентом, хотя я президент, назначенный Вали е-Аср» (Arjomand, 2009: 156). В первом обращении к народу в качестве президента Ахмадинежад заявил: «Главная цель нашей революции состоит в том, чтобы подготовить путь к возвращению аль-Махди. Сегодня мы должны строить нашу экономику, культуру и политику в перспективе возвращения аль-Махди» (Arjomand, 2009: 156). В октябре 2005 г. Ахмадинежад завершил свое выступление на заседании Генеральной Ассамблеи ООН краткой молитвой о скорейшем пришествии Скрытого Имама (Arjomand, 2009: 156), а одним из его первых решений в качестве президента стало выделение суммы, эквивалентной

17 млн долларов США, на обустройство паломнического маршрута к местечку Джамкаран около города Кум, где, по верованиям двенадцатников, должен появиться Имам аль-Махди (Arjomand, 2009: 156). В мае 2007 г. Ахмадинежад заявил, что сотрудники иностранных спецслужб пытаются узнать, где должен явиться Вали е-Аср, чтобы помешать этому, а в сентябре 2007 г. сообщил, что чувствовал присутствие Имама аль-Махди, когда президент Колумбийского Университета (США) неуважительно отозвался на нем, Ахмадинежаде, во время представления президента Ирана перед выступлением в этом учебном заведении (Arjomand, 2009: 156).

Примечательно, что лидер Исламской Республики Иран Али Хаменеи косвенно выражал неодобрение подобным заявлениям президента в одной из публичных речей он заявил: «Есть счастливицы, глаза и сердце которых могут быть удостоены такой чести [видеть Имама аль-Махди], смотреть на эту благословенную красоту, но они не станут претендовать на что-то и призывать следовать за собой. Те, кто делает это, без сомнения, лжецы и клеветники» (Yaluh, 2011: 11). Сделанное незадолго до президентских выборов 2009 г., это заявление Хаменеи, впрочем, не привело к охлаждению отношений между ними: Ахмадинежад на них победил, что расценивалось рядом наблюдателей как общая победа консерваторов, в том числе самого Хаменеи, над либералами (Yaluh, 2011: 11). Однако, учитывая тот факт, что список участников президентских выборов в Иране утверждается самим главой государства, провозглашенного конституцией теократическим, вряд ли можно считать, что либералы тогда имели реальную возможность бросить консервативному истеблишменту серьезный выбор.

Нынешнее обострение ситуации на Ближнем Востоке вновь ставит вопрос о влиянии мессианских идей в Иране, насколько актуальными являются эсхатологические представления в контексте мировоззрения религиозно-

политических руководителей Исламской Республики, могут ли они повлиять на принимаемые ими в сегодняшней непростой обстановке решения.

Политическая реальность Скрытого Имама. Как бы не утверждали близкие к администрации США аналитики о запросе иранского общества на политические перемены в сторону демократизации, обосновывая тем самым реальность перспектив смены режима в Тегеране путем отработанных методов финансовой и методологической поддержки внутренней оппозиции (Pollack, 2013: 155–159), идея Скрытого Имама, заложенная в Конституции Ирана, себя далеко не изжила, и вполне способна вдохновлять массы в случае грамотно организованного пиара, даже в третьем десятилетии XXI в. Так, в марте 2022 г. в рамках кампании поддержки Палестины в Иране вышла песня «Салям Фарманде», сразу же переведенная на арабский язык для шиитской аудитории в Ираке и Ливане как «Салям йа Махди» («Мир тебе, Махди»). Песня, посвященная памяти Касема Сулеймани, бывшего командующего «Корпусом аль-Куде» подразделением Корпуса стражей исламской революции, специализирующегося на операциях за пределами Исламской Республики. Сулеймани был убит 2 января 2020 г. на выезде из багдадского аэропорта ударом американского дрона. Песня, призывающая молодежь молитвенно обращаться к Скрытому Имаму аль-Махди, получила огромную популярность. 26 мая 2022 г. на стадионе Азади в Тегеране состоялся грандиозный флэшмоб, когда «Салям Фарманде» одновременно пели 100 тысяч молодых иранцев. Странники «Хезболлы» в Ливане сняли свой клип на эту песню с кадрами детей погибших активистов этой

организации, выражающих веру в аль-Махди⁸. Текст был также переведен на урду, азербайджанский, пушту, курдский, малайский, суахили, кашмири, испанский, английский и французский языки. Песню исполняли даже в США в Исламском образовательном центре в Хьюстоне. Идеологическую направленность этой композиции подтверждает тот факт, что власти Бахрейна, Пакистана и Азербайджана запретили ее публичное воспроизведение⁹.

Гимн является ярким примером аудиовизуальной агитации в пользу государственной идеологии Исламской Республики Иран. Эта идеология, известная как «вилаят аль-факих» («правление факиха»), установилась после прихода к власти аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни в результате «исламской революции» 1979 г. Сам этот термин, давший название политико-правовой доктрине, не нов он появился у шиитов столетия назад и подразумевает необходимость руководствоваться авторитетом исламских богословов в период «великого сокрытия». Эта эпоха началась в 941 г., когда скончался последний «контактёр» с исчезнувшим в 874 г. последним из 12-ти имамов Мухаммадом ибн аль-Хасаном аль-Махди (Petrushevskiy, 1966: 256–260).

Арабское слово «факих», которое буквально переводится как «сведущий или разумеющий человек», в контексте исламской культуры означает ученого, посвятившего жизнь изучению Корана и других авторитетных религиозных текстов (Ibrahim, 2013: 13). Потребности практической жизни государства, общества и индивида в условиях затянувшегося отсутствия Скрытого Имама привела к повышению статуса факихов, «вынужденных» решать проблемы современности. Некоторые из них стали даже претендовать на

⁸ Neriah J. (2024) “Salam ya Mahdi:” How Iran’s Indoctrination Policy Mobilizes Shiite Audiences to Support the Islamic Republic. 23.03.2026 (<https://jcpa.org/salam-ya-mahdi-how-irans-indoctrination-policy-mobilizes-shiite-audiences-to-support-the-islamic-republic/>).

⁹ Neriah J. (2024) “Salam ya Mahdi:” How Iran’s Indoctrination Policy Mobilizes Shiite Audiences to Support the Islamic Republic. 23.03.2026 (<https://jcpa.org/salam-ya-mahdi-how-irans-indoctrination-policy-mobilizes-shiite-audiences-to-support-the-islamic-republic/>).

политическую власть, ярчайшим выражением чего стала современная государственная идеология Исламской Республики Иран. Но даже те высшие религиозные авторитеты шиитов, которые не были сторонником права факха на абсолютную власть, включающую и политическое правление (аль-вилая аль-мутлака), не смогли остаться вне политики, примером чего является фигура духовного лидера шиитов Ирака аятоллы Али ас-Систани, к слову которого прислушиваются не только иракские государственные деятели, но и зарубежные политики.

Будучи зафиксированным в конституции, эсхатологический образ Имама аль-Махди стал политической реальностью не только для Ирана, но и для всего мира, прежде всего иранских геополитических противников, Израиля и США. Для иранских политиков публичные упоминания этого персонажа являются надежным способом привлечения к себе общественного внимания. В свое время им активно пользовался президент Ахмадинежад, указанием на свое прямое общение с аль-Махди как бы пытавшийся устранить посредничество лидера Исламской Республики, конституционного наместника Скрытого Имама. Хотя аятолла Али Хаменеи и осудил заявления политиков об общении с Имамом аль-Махди, сам он также говорил своем общении с Вали-е-Аср¹⁰.

Махдизм в истории шиитского ислама: основные вехи и их связь с современностью. Изначально возникнув в конце VII в. в лагере сторонников имама Хусейна, сына Али — двоюродного брата и первого ученика исламского пророка Мухаммада, идея имамата не подразумевала ограниченности цепочки имамов во времени. Первым имамом был Али (600-661 гг.), законный преемник Мухаммада, которого, с точки зрения

шиитов, незаконно не допускали до власти в исламском государстве узурпаторы — Абу Бакр, Омар и Осман (напротив, почитаемые суннитами как праведные халифы).

Собственно, сам термин «шииты» восходит к словосочетанию «шиат Али» — «группа Али», то есть политических сторонников имама Али и его потомков. Попытки придать шиизму религиозное обоснования, хотя и имели место уже при Али, но успеха долгое время не имели. Как течение в исламе шиизм оформился значительно позже, в череде восстаний и гражданских войн (Petrushevskiy, 1966: 240). Сыновья Али — имамы Хасан и Хусейн ещё обладали политической властью, однако последний лишился её в результате вспыхнувшей в халифате гражданской войны. Его потомки уже не были правителями, однако признавались религиозными авторитетами, с которыми были вынуждены считаться реальные властители — халифы (Al-Haydari, 1999: 250).

В 945 г. к власти в Аббасидском халифате пришла дейлемитская династия Буидов (из местности Дайламан или Гилян на южном берегу Каспия). Они контролировали территорию Ирака и южную часть Персии до 1055 г. В Багдаде все это время продолжали существовать аббасидские халифы, лишённые реальной власти (Petrushevskiy, 1966: 260). Таким образом, возникновение идеи большого сокрытия аль-Махди в 941 г. на фоне перехода правления в халифате буидам, изначально принадлежавших к зейдитам, а затем принявшим концепцию двенадцатников, имело вполне практический политический смысл. Ожидание шиитами, считавшими, что власть должна быть в руках потоков Мухаммада, прихода аль-Махди, который восстановит справедливость, еще можно было понять, когда сторонники скрытого имама находились в оппозиции государственной власти. Однако, когда

¹⁰ Ghajar A. (2022) Curing Jaundice and Other Tall Tales About Khamenei. 23.03.2026. (<https://iranwire.com/en/khameneicom/104988->

[curing-jaundice-and-other-tall- Tales-about-khamenei/](https://iranwire.com/en/khameneicom/104988-curing-jaundice-and-other-tall- Tales-about-khamenei/)).

бразды правления оказались в руках имамитов, коими являлись буиды, концепция возвращения скрытого имама теряла смысл. Логически размышляя, шиитской династии буидов после прихода к власти оставалось лишь передать ее потомку Мухаммада, коим на тот момент, по шиитским убеждениям, являлся Имам аль-Махди, находившийся где-то в скрытом месте, но на земле, от имени которого говорили его «послы». Такой акт веры очевидно противоречил соображениям политической целесообразности, да и сами имамы после гибели Хусейна не высказывали претензий на светскую власть, удовлетворившись чисто религиозным руководством. И то, что последний из четырех признанных шиитами послов, утверждавших, что общались с аль-Махди, умер в 941 г., не назвав преемника, представляется отнюдь не случайным в этом политическом контексте. Мессианская концепция «великого сокрытия», отсрочившая возвращение имама аль-Махди на неопределенно далекое будущее, при пристальном рассмотрении оказывается отнюдь не мессианской по сути в том смысле, что многие шииты попросту переставали всерьез ожидать мессию, предаваясь заботам повседневности.

В исторической ретроспективе сторонники линии имамата от сына имама Хусейна Зейн-аль-Абидина к его внуку Мухаммада аль-Бакыру и далее отнюдь не представляли большинства в шиитском течении в VII-X вв. Своим нынешним абсолютным превалированием эта ветвь шиизма, оформившаяся со временем в двенадцатничество, обязана элементарным фактом своего выживания в жесткой политической борьбе. Другие известные мессианско-махдистские шиитские течения, решительно и агрессивно боровшиеся за власть, были просто уничтожены теми, на чью власть они покушались. Такая судьба постигла, в

частности, кайсанитов¹¹, боровшихся против Омейядов за имамат Мухаммада ибн аль-Ханафии сына Али ибн Аби Талиба не от Фатимы, а от другой жены. Сам Мухаммад ибн аль-Ханафия, который, кстати, не поддерживал восставших, мирно скончался в 700 г., а его беспокойные сторонники провозгласили, что он сокрылся до времени (Arjomand, 2022: 139; Petrushevskiy, 1966: 242–243). Были ликвидированы и сторонники сына Мухаммада ибн аль-Ханафии Абу Хашима, воинственностью которых воспользовались при свержении Омейядов Аббасиды, жестоко уничтожившие потом многих из тех, кто помогал им прийти к власти. Умерший бездетным Абу Хашим также был провозглашен фанатичными последователями сокрывшимся имамом аль-Махди (Arjomand, 2022: 139).

У упомянутого Зейн аль-Абидина был другой сын Зейд, который предпочел тихому плачу по своему деду Хусейну борьбу за власть с оружием в руках. Поднятое Зейдом антиомейядское восстание в Куфе было подавлено в 740 г. Зейд погиб, его тело распяли на кресте, а голову отправили в Дамаск халифу Хишаму (Petrushevskiy, 1966: 245–247). Зейдиты, укрывшись в отдаленных районах, дожили до наших дней их численность ныне превышает 7 млн человек. Наиболее известное сообщество зейдитов это йеменские хуситы, считающиеся, наряду с Хезболлой и ХАМАС, иранскими прокси. Хотя зейдиты и не ожидают возвращения аль-Махди, считая, что имамом может быть любой выбранный общиной потомок Али, это не мешало им тесно сотрудничать в военно-политической сфере с Ираном, у которого пришествие аль-Махди зафиксировано в конституции. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что согласование деталей мессианских

¹¹ Мухаммад ибн Абдуль-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Глава 6 (шииты). 23.03.2023.

(<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Arabien/XII/Shachrastani/rametext6.htm>).

представлений не имеет приоритетной роли в идеологии проиранского лагеря.

В 747 г. в Куфе было подавлено восстание джанахитов по главе с якобы правнуком брата имама Али Абдаллой бен Муавией (легендарный прадед по имени Джаафар ат-Тайяр, летающий Джаафар, имел и прозвище зу-ль-джанахейн *двукрылый*), провозгласившим себя имамом (Arjomand, 2022: 167–168).

В 762 г. уже Аббасидами было подавлено восстание мугиритов, приверженцев аль-Мугиры бен Са'ида ал-'Иджли, который утверждал, что имамат принадлежит Мухаммаду ан-Нафс аз-Закийя, правнуку имама Хасана, восставшему в Медине (Arjomand, 2022: 224–225; Petrushevskiy, 1966: 247–248).

Аббасидами было подавлено и восстание хаттабитов, во главе с Абу-ль-Хаттабом аль-Асади, близким другом шестого имама будущих двенадцатников Джаафара ас-Садика. Примечательно, что сам имам Джаафар не захотел стать символом восставших, проклял своего бывшего товарища и заложил основы концепции возвращения аль-Махди где-то в далеком будущем перед концом мира (Arjomand, 2022: 225; Petrushevskiy, 1966: 251).

Более успешными были исмаилиты, сторонники имамата сына Джаафара ас-Садика Исмаила (Arjomand, 2022: 228–229; Petrushevskiy, 1966: 251), сумевшие найти безопасные для себя районы, где спаслись от аббасидских репрессий, и дожившие до наших дней.

В отличие от всех перечисленных крайних шиитских групп, практиковавших воинственный мессианизм и ставивших эсхатологию во главу угла, инертные двенадцатники имели умеренные религиозно-политические амбиции, благодаря чему выжили и стали крупнейшим шиитским течением. Неприятие радикализма протодвенадцатниками отразилось в данном им прозвище «равафид» (от глагола рафад отвергать), которое можно трактовать как «отвергающие крайности». И связаны эти крайности были как раз с

воинствующим мессианизмом, предполагающим полное отрицание существующей власти, если это не власть мессии аль-Махди, кто бы им ни был.

Двенадцатники на протяжении тысячи лет являли яркий пример последовательной институционализации и рутинизации революционной религиозно-политической харизмы. Их теоретики призывали запастись терпением и не пытаться раньше времени пришествия аль-Махди строить государство справедливости на земле. «Будьте терпеливы в исполнении религиозных обязанностей, проявляйте терпение перед врагом и сохраняйте выдержку до прихода ожидаемого Имама», — такой совет содержится в одном из хадисов о высказываниях пятого шиитского имама Мухаммада аль-Бакыра, приведенных в труде шиитского теолога Ибн Аби Зейнаб ан-Нуамани (X в.) (An-Nu'mani, 2011: 206).

Со временем статус факихов непрерывно повышался (Krylov, 2022: 21–22). Мнение факихов стало мерилем соответствия шариату не только действий частных лиц, но и правителей. Настоящая симфония власти государя и факиха установилась при династии Сефевидов, начавшей править Ираном в XVI в. и сделавшей шиизм господствующей в стране конфессией. Сефевидская элита, будучи сформированной в суфийской среде, уделяла большое внимание эзотерическому обоснованию своего права на власть, опираясь на распространенные на территории их империи мистические ордена (Yilmaz, 2018: 38). Особенно возвысился шейх Али аль-Караки (в 940 г. по хиджре или 1534 по Р. Х.), достигший наивысшего авторитета при втором сефевидском султани Тахмаспе I (1524–1576). Он вошел в правящую элиту, заняв должность весьма красноречивым названием — «шейх-уль-ислам» — «шейх ислама», и с титулом «наиб-уль-Имам» (заместитель Имама) (Ibrahim, 2013: 209). Учитывая всеобъемлющий статус исламского права, регулирующего не только вопросы отправления культа, но и

государственного администрирования, это дало шейху аль-Караки широчайшие полномочия, правда, при сохраняющемся главенстве султана, власть которого он санкционировал с точки зрения имамитской концепции шариата.

Фактически шейх аль-Караки оказался основоположником концепции «вилаят аль-факих», получившей распространение в шиитском мире в последующие века. В современном Иране она любопытным образом трансформировалась факих в лице верховного лидера (рахбара) Ирана, является высшим государственным руководителем, которому подчиняется президент.

Выше мы уже писали об особом значении роли факиха в хомейнистской теории власти. Будучи таковым факихом, Хомейни обосновал допустимость продолжения войны против Ирака, подразумевавшей ведение джихада за пределами Ирана после того, как в 1982 г. иракские войска были вытеснены за пределы Исламской Республики. Дело в том, что имевшийся традиционный набор шиитских хадисов запрещал ведение джихада в период отсутствия Вали-е-Аср, поэтому Хомейни пришлось разработать концепцию наказания агрессора (Mahallati, 2016: 138–139, 145, 160).

Сменивший Хомейни рахбар Али Хаменеи, стал таковым, не будучи момент своего избрания факихом (имея религиозное образование, он посвятил себя политической деятельности, не зарекомендовав себя в качестве религиозного авторитета), что шло вразрез с классикой теории «вилаят аль-факих» в трактовке основателя современной иранской теократии аятоллы Али Хомейни. Хаменеи был президентом Ирана в 1981–1989 гг. и не принадлежал к шиитской религиозно-академической корпорации, однако его опыт государственного управления, вкупе с

популярностью и близостью к основателю современного иранского государства, который якобы успел определить его перед смертью в качестве преемника, стали причиной компромисса между теорией и практикой.

Кризис государственной идеологии и перспективы ее возрождения. Заявления президента Ахмадинежада об общении с Имамом аль-Махди в свое время вызвали отповедь со стороны самого лидера Исламской Республики аятоллы Али Хаменеи. Очевидно, рахбар понимал, что злоупотребление подобной риторикой способно лишь усилить неприятие официальной идеологии в иранском обществе. Неожиданный успех имела песня «Салям, Фарманде», ставшая поводом для многочисленных флэшмобов и в ряде зарубежных стран, однако это не привело к появлению махдистских образов в официальном дискурсе, что косвенно свидетельствует о нежелании иранского руководства без нужды обострять общественные настроения.

Западная пропаганда пыталась сделать символом внутренней оппозиции Резу Пехлеви, ничем не проявившего себя иранского эмигранта, сына свергнутого иранского в 1979 г. монарха, проживающего в США. Эти попытки имели некоторый успех, хотя в январе 2026 г. люди массово вышли на улицы не для того, чтобы поддержать Пехлеви, но чтобы выразить свой протест против резкого ухудшения экономической ситуации, вызванного международными санкциями¹².

Соболезнования Резы Пехлеви в связи с объявленной гибелью шести американских военнослужащих в ходе операции против Ирана и его молчание по поводу смертей сотен мирных жителей вызвали в среде его сторонников разочарование¹³. Расчеты Израиля, делавшего ставку на то, что удары по

¹² Heiran-Nia J. (2026) Why the Latest Iran Protests Started in the Tehran Bazaar. 23.03.2026. (<https://www.stimson.org/2026/why-the-latest-iran-protests-started-in-the-tehran-bazaar/>).

¹³ Reza Pahlavi's supporters in Iran are turning against him. 23.03.2026 (<https://www.middleeasteye.net/news/reza-pahlavis-supporters-iran-are-turning-against-him>)

иранской инфраструктуре приведут к свержению правительства в результате выступлений внутренней оппозиции, не оправдались, что в кулуарных разговорах признают израильские представители¹⁴. Гибель мирных жителей, наряду с военными и гражданскими руководителями, в результате американо-израильских ударов сделала массовые акции протеста рискованным предприятием, не говоря уже о том, что это послужило солидаризации иранцев со своим руководством.

Оппозиционная «Организация моджахедов иранского народа» (People's Mojahedin Organization of Iran), исповедующая левые взгляды и сыгравшая важную роль в подготовке свержения шахского режима в 1979 г., после которого перехватившие революцию хомейнисты обрушили на марксистов жестокие репрессии, объявила, что продолжает тактику вооруженной борьбы¹⁵. Эта структура, состоящая из относительно немногочисленных, но мотивированных, несмотря на смену поколений, противников правительства Ирана, способна сыграть свою роль в планах США и Израиля по организации внутреннего сопротивления для смены власти в Тегеране. Но левые «моджахеды», в свое время боровшиеся против проамериканского режима шаха Пехлеви, очевидно не станут поддерживать его сына. По словам лидера «Организации моджахедов иранского народа» Марьям Раджави, иранский кризис невозможно разрешить ни путем дипломатии, ни путем военной оккупации, поэтому ее сторонники поддерживают третий вариант «демократическую смену режима

иранским народом и его организованным сопротивлением»¹⁶. То есть, «моджахеды» делают ставку на вооруженную борьбу от имени иранского народа, ассоциируя при этом будущее своей страны с демократическим устройством, что бы под этим не подразумевалось.

Выводы

Исламская революция в Иране 1979 г., приведшая к власти Хомейни, представляет собой уникальный в истории двенадцатического шиизма всплеск харизматического начала. Мессианский пафос активно эксплуатировался во время войны с Ираком. Разрушительные последствия этого конфликта заставили Тегеран пересмотреть идею экспорта исламской революции, чему способствовала и кончина Хомейни. К настоящему времени попытки Ирана проводить самостоятельный политический курс, идущий вразрез с представлениями претендующих на глобальную гегемонию США, привели к введению многочисленных антииранских санкций. Региональная политика, проводимая Ираном через таких прокси, как ХАМАС, «Хезболла», хуситское движение и ряд группировок «шиитского ополчения» Ирака, вызывала серьезные опасения США и его многолетнего прокси Израиля, что уже не раз приводило к силовой конфронтации.

Набор специфических мессианско-мартирологических архетипов шиизма до сих пор представляет собой эффективный инструмент военно-политической пропаганды, применение которого следует ожидать в случае возникновения непосредственной угрозы извне

¹⁴ Ayyub R., Nakhoul S., Hafezi P. (2026) Israel sees no certainty Iran's government will fall despite war. 23.03.2026. (<https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-sees-no-certainty-irans-government-will-fall-despite-war-2026-03-11/>).

¹⁵ Matin K. (2026) The failure of appeasement and the unstoppable rise of Iran's organized resistance. 23.03.2026.

(<https://english.mojahedin.org/article/irans-organized-resistance-and-the-failure-of-appeasement/>).

¹⁶ Matin K. (2026) The failure of appeasement and the unstoppable rise of Iran's organized resistance. 23.03.2026.

(<https://english.mojahedin.org/article/irans-organized-resistance-and-the-failure-of-appeasement/>).

правлящему режиму. Убитый 28 февраля 2026 г. аятолла Али Хаменеи не был склонен к использованию в публичном дискурсе мессианской риторики это показала его заочная полемика с «фанатиком» Ахмадинежадом во время президентства последнего. Очевидно, верховный лидер Исламской Республики учитывал и возрастающую популярность либеральных настроений в иранском обществе, понимая, что «кондовые» разговоры о Вели е-Аср лишь раздражат жаждущую перемен публику. Более того, аятолла Хаменеи как религиозно-политический лидер в 2012 г. стал автором фетвы (религиозного декрета) против создания и использования ядерного оружия как «преступления против человечества» (Mahallati, 2016: 210), однако после его ликвидации вместе с большинством членов семьи появилась вероятность появления фетв противоположного содержания подобно тому, как Хомейни в свое время обосновал ведение джихада за пределами Исламской Республики. С точки зрения исламского права такие концептуальные изменения представляются вполне допустимыми¹⁷.

На фоне продолжающейся тактики точечной ликвидации руководителей иранского государства американскими ВС, следует ожидать дальнейшей радикализации настроений не только среди правящей в Иране элиты, но и в массах, солидаризирующихся с лидерами в условиях войны, а, значит, и возвращения в той или иной степени махдистской риторики, что также будет обосновано в случае вступления в гражданский конфликт вооруженных отрядов марксистской «Организации моджахедов иранского народа». Вероятность использования шиитских мессианско-эсхатологических образов значительно возрастет, если сторонники правительства будут вынуждены покинуть административные центры и перейти к партизанской войне. Если

основанные на религиозной риторике эскапады аятоллы Хомейни против Саддама Хусейна в свое время значительно осложнили поиск дипломатического решения ирано-иракского конфликта, то принятие сторонниками Исламской Республики партизанской тактики, а это очевидно будет сопровождаться введением американского контингента на иранскую территорию для контроля жизненно важных центров, в т.ч. Тегерана, исключит перспективу переговоров.

References

- Abrahamian, E. (2008) *A History of Modern Iran*. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Delhi: Cambridge University Press. 318 p.
- Al-Haydari, I. (1999) *Trajadiya Karbala [The Tragedy of Kerbela]*. 521 p. (in Arabic)
- Al-Hindi, A. (2005) *Kanz al- 'ummal fi Sunan al-Aqwal wa-l-Af'al [The Treasure of Good-Doers in the Stories on Sayings and Deeds]*. Riyadh: Beit al-Afkar ad-Dawliya, 2005. 2961 p. (In Arabic)
- An-Nu'mani, I. (2011) *Al-Ghayba [The Occultation]*. Al-Kadhimiya: Dar al-Jawadein. 376 p. (in Arabic)
- Ansari A.M. (2019) *Modern Iran since 1797: Reform and Revolution*. London, New York: Routledge. 656 p.
- Arjomand, S.A. (1984) *The Shadow of God & the Hidden Imam: Religion, Political Order and Societal Change in Shi'ite Iran from the Beginning to 1890*. The University of Chicago. 368 p.
- Arjomand, S.A. (2009) *After Khomeini: Iran under His Successors*. New York: Oxford University Press. 281 p.
- Arjomand, S.A. (2022) *Messianism and Sociopolitical Revolution in Medieval Islam*. Oakland: University of California Press. 371 p.
- As-Samarrai, N. (2016) *Fi Qusur Ayatullah [In the Palaces of Ayatollah]*.

¹⁷ Golkar S. (2025) *Khamenei's Nuclear Fatwa: Religious Ruling or Political Strategy?* 23.03.2023. (<https://www.norwich.edu/topic/all-blog->

[posts/khameneis-nuclear-fatwa-religious-ruling-or-political-strategy](https://www.norwich.edu/topic/all-blog-posts/khameneis-nuclear-fatwa-religious-ruling-or-political-strategy)).

- Beirut: Jusur li-t-Tarjama wa-n-Nashr. 560 p. (In Arabic)
- Chubin, Sh. (1988) *Iran and Iraq at War*. New York: Routledge. 336 p.
- Farrokh, K. (2011) *Iran at War: 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing. 975 p.
- Ibrahim, F. (2013) *Al-Faqih wa-d-dawla [The Faqih and the State]*. Beirut: Dar-Murtadha. 745 p. (in Arabic)
- Krylov G. (2022) The Doctrine of “Wilayat al-Faqih”: Interpretations, Theoretical Base and Genesis. *Oriental Courier*. no. 2, pp. 11–24. DOI 10.18254/S268684310021596-3 (In Russ.)
- Mahallati, M.J.A. (2016) *Ethics of War and Peace in Iran and Shi’i Islam*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press. 359 p.
- Petrushevskiy I.P. (1966) *Islam v Irane v VII-XV vekakh [Islam in Iran in the VII-XV Centuries]*. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta. 400 p. (In Russ.)
- Pollack, K.M. (2013) *Unthinkable: Iran, the Bomb, and American Strategy*. New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi: Simon & Schuster. 482 p.
- Sahih Muslim (2005) *Riyadh: Dar at-Tiba li-n-nashr wa-t-tawzi’*. 1461 p. (in Arabic)
- Yaluh, R. (2011) *Mahdism in contemporary Iran: Ahmadinejad and the occult Imam*. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies (Doha Institute). 25 p.
- Yilmaz, H. (2018) *Caliphate Redefined*. Princeton & Oxford: Princeton University Press. 387 p.
- Zonis, M. (1976) *The Political Elite of Iran*. New Jersey: Princeton University Press. 405 p.